

— Чицю, — знакомый голос раздался у его уха, — не трогай, тебе только что ввели ингибитор.

Это был голос Гу Таньчжи!

— Ингибитор? — Погоди, Гу Таньчжи ввёл мне ингибитор?

Цзян Чицю машинально спросил:

— Ты сам ввёл?

Чёрт, Цзян Чицю всё ещё помнил, как в прошлый раз, когда у него внезапно начался период влечения, он прижался к Хэлань Яну.

Он невольно представил, как вместо Хэлань Яна там был бы Гу Таньчжи, и его тут же сразило чувство неловкости.

Теперь он наконец пришёл в себя, и всё, что произошло на пресс-конференции и после неё, хлынуло в его сознание.

Лучше бы он продолжал спать.

— Мм, — мужчина, казалось, не считал период влечения чем-то неловким, — тогда было срочно, и я ввёл тебе его.

Не зря он был императором Империи Дайлодэ, Гу Таньчжи говорил с полной серьёзностью.

Вспомнив о системе, которая только и делала, что подставляла его, Цзян Чицю на мгновение замаялся, а затем искренне сказал Гу Таньчжи:

— То, что произошло после пресс-конференции, доставило всем хлопоты... Мне очень жаль.

С точки зрения Цзян Чицю, эта проблема действительно была вызвана им самим. Если бы он не пытался избежать ситуации, система не вмешалась бы.

Но он, очевидно, забыл, что, кроме него, никто не знал, откуда взялся этот внезапный период влечения.

Гу Таньчжи медленно нахмурился, и в его сердце защемило.

Цзян Чицю с детства был гением, и в нём была присущая гениям гордость и упрямство. В

памяти Гу Таньчжи, характер Цзян Чицю всегда был острым, и в юности они из-за этого часто ссорились.

Но теперь Цзян Чицю извинялся за такое?

Пока он говорил, комната постепенно становилась светлее. Цзян Чицю разглядел мужчину, сидящего на диване.

Он не знал, сколько времени проспал, но видел, что мужчина выглядел более уставшим.

Его обычно аккуратно зачёсанные назад чёрные волосы растрепались, а взгляд потерял былую твёрдость и решительность.

Гу Таньчжи с детства воспитывался как наследник, и в последние годы он стал почти идеальным императором.

Цзян Чицю не помнил, когда в последний раз видел Гу Таньчжи в таком состоянии, если вообще когда-либо видел...

— Не говори так... — Гу Таньчжи медленно покачал головой и подошёл к Цзян Чицю. Он привычно протянул руку, чтобы прикоснуться ко лбу Цзян Чицю, проверяя его температуру.

Цзян Чицю невольно замер.

Эта сцена внезапно напомнила ему одно прошлое событие — много лет назад, когда его семья погибла на поле боя, он также проспал большую часть дня.

Как и сегодня, первым, кого он увидел после пробуждения, был Гу Таньчжи. Увидев, что он проснулся, тот ничего не сказал, просто подошёл и нежно прикоснулся к его лбу.

Цзян Чицю на мгновение задумался, Гу Таньчжи тоже, и его рука словно отшатнулась.

Осознав, что его чувства вышли из-под контроля, Гу Таньчжи быстро отвел взгляд.

Через некоторое время он снова вернулся к серьёзному настроению и спросил Цзян Чицю:

— Чицю, насколько твои исследования вредят твоему здоровью?

Цзян Чицю замолчал. Почему Гу Таньчжи тоже начал поднимать эту тему?

Важность иммунитета к ментальному удушению для человечества очевидна. Цзян Чицю уже был готов к тому, что Гу Таньчжи заговорит об этом, но не ожидал, что он переведёт разговор на его здоровье.

Судя по прогнозам системы, тело Цзян Чицю уже наполовину разрушено, и это будет продолжаться по мере прогресса исследований.

Цзян Чицю, конечно, не мог сказать правду.

— Со мной всё в порядке, — он улыбнулся Гу Таньчжи, — Не волнуйся, если я решился на это, значит, это не такая уж большая проблема.

— Что ты имеешь в виду? — снова спросил Гу Таньчжи.

— Теоретически, эти эксперименты действительно вредны для человека, но эти проблемы можно решить.

Говоря это, Цзян Чицю снова вернулся к своему обычному уверенному виду.

Цзян Чицю засыпал Гу Таньчжи множеством профессиональных терминов, полностью сбив его с толку, а затем, пока тот ещё не успел опомниться, подытожил:

— Все эти необратимые побочные эффекты были предсказаны ранее, но, как видишь, раз я смог создать иммунитет, значит, смогу справиться и с такими мелочами.

Несмотря на естественный тон, в душе Цзян Чицю было очень тревожно.

Он не солгал — действительно мог устранить негативные последствия исследований, но он не сказал, что не может остановить систему.

Цзян Чицю не принадлежал этому миру, и он должен был уйти.

— Хорошо... — Гу Таньчжи, казалось, вздохнул с облегчением и встал. Будучи правителем империи, он провёл рядом с Цзян Чицю почти целый день, и теперь ему нужно было вернуться к работе.

Перед тем как уйти, он, уже стоя у двери, вдруг обернулся и сказал:

— Чицю, как твой брат, я должен посоветовать тебе думать о здоровье и временно отложить дальнейшие исследования иммунитета. Но... я также император Дайлодэ, и я не могу позволить себе остановить твои эксперименты. Поэтому...

Выходя за дверь, он оставил одинокое «Прости» в комнате Цзян Чицю.

Вскоре после ухода Гу Таньчжи за дверью комнаты Цзян Чицю появился мужчина в белом.

Это был Су Ланьчжэ, он плотно сжал губы, выглядел очень напряжённым.

Неизвестно, сколько времени он провёл в нерешительности, но наконец он тихо постучал в дверь комнаты Цзян Чицю.

— Су Ланьчжэ? — Увидев его, Цзян Чицю удивился, — Что привело тебя сюда?

С этими словами он пригласил мужчину на диван.

Это был первый раз, когда Су Ланьчжэ оказался в комнате Цзян Чицю, и он выглядел очень скованно.

После ухода Гу Таньчжи Цзян Чицю открыл окно, и на светлый шерстяной ковёр упал медовый свет, создавая атмосферу спокойствия и уюта.

Глядя на мужчину в светло-голубой повседневной одежде и его слегка любопытный взгляд, Су Ланьчжэ наконец набрался смелости.

Он сказал Цзян Чицю:

— Чицю, я пришёл, чтобы рассказать тебе кое-что важное...

После ухода из исследовательского института Цзян Чицю и Су Ланьчжэ редко общались. За это время Су Ланьчжэ думал, что забыл о тех чувствах, которые зародились в нём в юности.

Но теперь, встретившись с Цзян Чицю всего несколько раз, он понял, что те чувства, которые он так тщательно скрывал, снова проросли, словно побеги сквозь камни.

Хотя его ещё не уведомили, Су Ланьчжэ знал, что расследование, связанное с Цзян Чицю, скоро завершится, и у него, возможно, больше не будет возможности проводить с ним время.

Поэтому он наконец набрался смелости, чтобы восполнить упущенное и дать себе последний шанс.

Су Ланьчжэ всегда был полностью погружён в исследования, и он не знал, как следует признаваться в чувствах. Перед человеком, которого он любил больше десяти лет, этот обычно спокойный и элегантный учёный выглядел немного неуклюжим и нервным.

— Чицю, на самом деле, я влюбился в тебя ещё в студенческие годы...

Цзян Чицю: !

Цзян Чицю был готов к тому, что Су Ланьчжэ начнёт обсуждать исследования, но он никак не ожидал, что тот, как и Гу Таньчжи, отложит это в сторону.

Нет, это было не главное, главное было то, что Су Ланьчжэ признался ему в любви!

Су Ланьчжэ продолжил:

— Тогда, по глупым причинам, я не решился сказать тебе о своих чувствах. После ухода из института я думал, что время и расстояние сотрут их.

Здесь он наконец поднял взгляд на Цзян Чицю.

— Но я ошибался...

В отличие от его обычного спокойного образа, сейчас его взгляд был полон решимости и даже некоторой агрессии.

— За это время я понял свои чувства, я всё ещё люблю тебя и хочу быть с тобой всегда, — Су Ланьчжэ, как и подобает учёному, даже в признании звучал рационально и спокойно, — Раз ты уже порвал с генерал-майором Ци... Я надеюсь, что у меня есть шанс быть рядом с тобой.

Цзян Чицю вдруг вспомнил Су Ланьчжэ из оригинального романа.

<http://bllate.org/book/15283/1352830>